

болезненную усталость от жизни, и он наконец освобождается от нее одиноко и прозаически.

Гамлетовский период прошел Ставрогин, в основном, в черновиках к роману. В окончательном тексте мы застаем его уже потерявшим свой гамлетизм, то есть уже не сомневающимся и даже не раздваивающимся, а равнодушным. Не случайно вспоминая о прошлом Николая Всеволодовича, Варвара Петровна вдруг утверждает, что сын ее в своих бурных порывах не столько был "принцем Гарри", сколько "походил еще более на Гамлета" ... "И если бы всегда подле Nicolas находился тихий, великий в смирении своем Горацио, то, может быть, он давно уже был бы спасен от грустного и "внезапного демона иронии", который всю жизнь терзал его... Но у него никогда не было ни Горацио, ни Офелии..." В устах Варвары Петровны, хоть и влюбленной в своего сына, но женщины трезвой и рассудительной, такая характеристика звучит неожиданно и без всяких к тому реальных оснований. Юность Ставрогина, как она описана в романе, не таит в себе ничего гамлетовского. Даже "любовь" к хромоножке, которую Варвара Петровна характеризует как "высокое сострадание" и "благородную дрожь всего организма" на самом деле кончилась "браком на пари" за вино "после пьяного обеда". И тем не менее тень Гамлета поставлена рядом со Ставрогиным вовсе не в силу материнской ошибки. Ставрогин *был* Гамлетом, но был им тайно в душе своей, в высших вопросах смысла жизни, был и *перестал быть*. В этом и заключается его трагедия. Отдав Кириллову и Шатову свои идеи, сомнения и страдания, Ставрогин оказался абсолютно пуст в его человеческом потенциале, и ему ничего не осталось как "истребить себя" без всякой идеи. Таким образом, "подполье" Ставрогина — это не страдания "русского Гамлета", а трагедия человека, *потерявшего* свой гамлетизм.

Закончив "Бесы" и вернувшись в Россию после четырехлетних странствий по Европе, Достоевский принял на себя редакторство "Гражданина". По-разному объясняли исследователи этот шаг. Бесспорно одно: Достоевский находился в состоянии тяжелого творческого кризиса, идущего от кризиса общего, душевного, когда нет сил верить ни во что... Может Достоевский тоже... потерял свой гамлетизм?